

С. Б. ОКУНЬ, Э. С. ПАИНА

УКАЗ ОТ 5 АПРЕЛЯ 1797 г. И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ

(К истории указа о трехдневной барщине)

До определенного момента одной из специфических особенностей крепостного права в России следует признать противоречивость законодательных актов, его устанавливающих, равно как и

---

³⁴ Сб. РИО, т. 9, стр. 427—428.

³⁵ 2 ПСЗ т. X, отд. 1, № 19086.

отсутствие соответствующих указов, его регламентирующих. Но если в плане юридического оформления прав дворянства на внеэкономическое принуждение крестьян в течение XVIII и первой половины XIX в. сделано было очень много, то второй вопрос — о регламентации того же внеэкономического принуждения, хотя в эти годы и ставился, но практически реализовался в весьма слабой степени. Впервые в правительственных кругах заговорили о необходимости регулирования обязанностей помещичьих крестьян в явном расчете на возможность затем распространить эти правила и на другие категории закрепощенного населения в связи с крестьянским движением 50-х—60-х годов XVIII в. и столь усилившимися в это время побегами крепостных. В 1763 г. в записке, посвященной крестьянским побегам, Н. И. Панин прямо указывал, что регламентация обязательств крепостных может послужить могучим средством для удержания их на старом местожительстве. «Помещики, — писал Панин, — не должны требовать от крестьян более четырех рабочих дней в неделю, и в сутки взыскивать с крестьянина, чтоб он или вспахал доброй земли десятину, или накосил сена три копны, или нарубил однополенных дров полторы сажени — не более, величина же оброка не должна превышать двух рублей».¹ При этом следует иметь в виду, что предложения Панина вовсе не предусматривают снижения крестьянских повинностей, а желаемый результат он считает возможным достигнуть уже фактом регламентации даже в максимальных размерах принятых в те годы барщинных и оброчных повинностей.² В общей форме этот же вопрос — об определении крестьянских повинностей — поднимался в первоначальном варианте Наказа Екатерины II Уложенной комиссии, а в конкретном выражении был определен в речах и мнениях Якова Козельского, Григория Коробьина и др.³ Однако записки, подаваемые в Сенат виднейшими царедворцами, советы, даваемые самой императрицей в Наказе, равно как и мнения, высказываемые депутатами в Уложенной комиссии, практически не имели в эти годы никакого значения. Более того, законодательство по крестьянскому вопросу этих лет, совершенно не затрагивая вопроса о фиксации барщинных обязанностей крепостных, вместе с тем значительно расширяло права помещиков. Таковы указы от 17 января 1765 г. о предоставлении помещикам возможности ссылать своих крепостных в каторжные работы в Сибирь без суда, от 22 августа 1767 г. — о категорическом запреще-

¹ С. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 5. Изд. 2. СПб., 1895, стр. 1477.

² По данным К. Н. Щепетова, преобладающей в эти годы была трехдневная барщина, хотя в ряде мест была барщина по четыре и даже больше дней в неделю. Оброчные повинности в это время колебались от 1 до 2 рублей с ревизской души. См.: Очерки истории России во второй половине XVIII в. М., 1956, стр. 54—55.

³ См.: Сб. РИО, т. 32, стр. 406—410, 494—502.

нии крестьянам подавать жалобы на своих владельцев, и др.⁴ И лишь значительно позднее, уже в конце столетия, имели место осторожные попытки вмешательства государства во взаимоотношения помещиков и крестьян (указ 1797 г.). Столь запоздалое обращение к вопросам, которые поднимались еще в начале 60-х годов XVIII в., как и в 90-х годах, преимущественно лишь в отношении барщины, можно объяснить рядом обстоятельств. Прежде всего к концу XVIII в. в связи с начавшимся процессом разложения крепостной системы наблюдается заметный рост числа барщинных хозяйств, поскольку теперь барщина выступает уже «как форма более интенсивной и многообразной эксплуатации крестьянской массы и как основа порождаемого этими же условиями своеобразного вотчинного предпринимательства, при отсутствии у помещиков соответствующих денежных капиталов, заменяемых „капиталом орудий“, как любили говорить в начале XIX в.»⁵ Во второй половине XVIII в. и в дальнейшем, как справедливо отмечает Н. Л. Рубинштейн, барщина уже была призвана «обслуживать не потребительские нужды замкнутого феодального хозяйства, а новые рыночные отношения товарного хозяйства, и это новое экономическое содержание определило глубокие внутренние противоречия барщинного хозяйства».⁶ Это новое качество старой феодальной ренты явилось одним из важнейших факторов, определивших мощный взрыв крестьянского движения в 1796—1797 гг., который и толкнул правительство на своеобразно осуществленную попытку регламентации барщинных обязательств. Крестьянские волнения, ознаменовавшие начало царствования Павла I, в отличие от событий 1773—1775 гг. развернулись не на окраинных районах империи, а охватили свыше 30 губерний, преимущественно центральных: Владимирскую, Калужскую, Курскую, Орловскую и др. Это были уже исключительно выступления помещичьих крестьян, вызванные увеличением барщинных и оброчных повинностей и усилением деятельности вотчинных предприятий, т. е. порожденные процессом разложения помещичьего хозяйства и его ориентацией на производство для рынка. Первой и непосредственной реакцией на полученные сведения о крестьянских волнениях, вспыхнувших в Орловской губернии в конце ноября 1796 г. в имениях М. М. Андреева и в начале января 1797 г. в имениях Н. П. Голицыной и С. С. Апраксина, явились три, непосредственно, как нам представляется, связанных друг с другом царских указа. 12 декабря 1796 г. появился указ, фактически отменивший екатерининское запрещение крестьянам жаловаться на своих помещиков и разрешавший подавать прошения, но лишь за одной подписью, 14 января 1797 г. — указ о предании суду распространителей слухов «об от-

⁴ 1 ПСЗ, т. XVII, № 12311; т. XVIII, № 12966.

⁵ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 95.

⁶ Там же, стр. 96.

ложении крестьян от должного повиновения своим помещикам» и, наконец, 29 января 1797 г. — указ, предписывавший крепостным «спокойно пребывать в прежнем их звании, быть послушными помещикам своим в оброках, работах и, словом, всякого рода крестьянских повинностях, под опасением за преслушание и своевольство неизбежного по строгости законной наказания». ⁷ Вне всякого сомнения, указы 1797 г. имели свою цель — устрашение крепостных крестьян и были призваны покончить со всеми теми иллюзиями, которые обычно возникали в крестьянской среде при вступлении на престол нового монарха. Однако связанный с ними общей целью указ 1796 г., разрешавший крестьянам жаловаться на владельца, призван был иным методом помочь в борьбе с крестьянским движением. Это было своеобразным предупреждением, что отныне «государево око» будет взирать на взаимоотношения помещика и крестьянина; это было, в сущности, и косвенным требованием некоторой регламентации крестьянских повинностей. О целенаправленности этого указа ярко свидетельствует павловская резолюция на шести крестьянских жалобах, которые были ему доложены генерал-прокурором 31 марта 1797 г. Предписав призвать жаловавшихся крестьян с целью «кротким образом внушить им дерзость поступка их противу помещиков своих», а затем «снижительно наклонить их к раскаянию и должному повиновению помещикам», Павел в то же время приказывает сообщить шести владельцам этих крестьян, что «собственная неумеренность в образе их домоуправления, или слабый присмотр за приказчиками, суть следствия как для их, так и для правительства к заботам и беспокойствам и что единая умеренность в поступках противу их крестьян и собственную их пользу, и успокоение правительству доставить может, о чем всемерно стараться должны». ⁸ А через несколько дней требование регламентации крестьянских повинностей было предъявлено уже ко всему дворянству весьма своеобразным, как мы отмечали, образом в манифесте от 5 апреля 1797 г.

В исторической литературе этот документ, именуемый обычно указом о трехдневной барщине, неоднократно был предметом длительных споров. Суммируя мнения, высказывавшиеся по поводу этого указа до 1904 г., Е. П. Трифилев отмечал, что хотя почти все исследователи расценивали его как попытку правительства ограничить барщину, однако все они в то же время приходили к заключению, что «этот закон остался на бумаге и никакого практического значения не имел». ⁹ Такова точка зрения В. И. Семевского, Н. К. Шильдера, В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова и др. Сам же Трифилев стремится на основе конкретного мате-

⁷ 1 ПСЗ, т. XXIV, № 17636, 17730, 17769.

⁸ М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пгр., 1916, стр. 533.

⁹ Е. П. Трифилев. Очерки из истории крепостного права в России. Харьков, 1904, стр. 293.

риала показать, что указ от 5 апреля соблюдался и имел большое практическое значение.¹⁰ В 1911 г. М. В. Клочков выступил не только против концепции Трифильева, но и против точки зрения его предшественников, считавших, что этот указ, хотя и не был реализован, все же имел своею целью ограничить барщину тремя днями в неделю.¹¹ Анализируя указ от 5 апреля, Клочков справедливо отмечает, что в нем содержатся «две главные мысли»: первая — «о принуждении крестьян к работам в воскресные дни» и вторая — «о разделении недели поровну между помещиками и крестьянами, короче — о трехдневной барщине».¹² Первая мысль выражена столь четко и определенно, что никаких сомнений вызвать не может. В этой части указ от 5 апреля повторял статьи Уложения Алексея Михайловича, которые, действительно, в категорической форме запрещали использование крестьян на барских работах в воскресные дни. Что же касается второй мысли, то ее изложение в указе, по мнению Клочкова, дает возможность по-разному трактовать эту часть документа, поскольку о регламентации крестьянских обязанностей говорится в придаточной фразе к основному законодательному положению и при этом не в императивной форме: «Повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, — Павел, как бы разъясняя это положение, добавлял, — тем более, что для сельских издольев остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые как для крестьян собственно, так и для работ их, в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточным будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям».¹³ Окончательный вывод, к которому пришел Клочков, сводился к тому, что и Сенат, и местные органы расценили этот документ только как указ о запрещении работать в воскресные дни и что отдельные случаи требования со стороны верховной власти ограничения барщины тремя днями, о которых сообщает Трифилев, не меняют общей картины. Однако не соглашаясь полностью с утверждением Трифильева о большом практическом значении указа 1797 г., которым, по его мнению, повсеместно и в обязательном порядке вводилась трехдневная барщина, мы в то же время не можем согласиться и с Клочковым, усматривающим в этом документе лишь доброе пожелание, к тому же никого и ни к чему не обязывающее. Павловский манифест от 5 апреля 1797 г., на наш взгляд, нельзя рассматривать лишь как указ о запрещении работ в воскресные дни и в то же время нельзя считать и указом о трехдневной барщине.

¹⁰ Там же, стр. 293—309.

¹¹ Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 127—175. Переиздано: М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности Павла I. Пгр., 1916, стр. 528—569.

¹² Там же, стр. 534—535.

¹³ 1 ПСЗ, т. XXIV, № 17909.

И дело здесь не в плохой редакции этой второй части указа, о чем в свое время писали В. И. Семевский, Е. С. Шумигорский, и др. Наоборот, если уже касаться редакционной стороны, то придется отметить, что здесь мы имеем блестящий образец законодательного искусства, поскольку трехдневная барщина диктуется помещикам без формального нарушения традиционного принципа невмешательства правительства во взаимоотношения крепостного со своим владельцем. Сенат в сопроводительном документе к указу от 5 апреля, как это справедливо отметил Клочков, ограничивал его содержание запрещением работ в воскресные дни, ни словом не упоминая о трехдневной барщине. Действительно, ни в одном из 91 рапортов, изученных Клочковым, нет ни малейшего намека, чтобы местные власти восприняли этот документ как указ, касающийся не только запрещения работ в воскресные дни, но и работ на барщине свыше трех дней в неделю.¹⁴ Между тем этот указ, не будучи законом о трехдневной барщине, вполне реально подготавливал фиксацию повинностей крестьян в помещичьем хозяйстве. И основным для понимания значения указа 1797 г. является отнюдь не формулировка, какой сопровождался он сенатским чиновником при рассылке на места, и не трафаретное повторение этой же формулировки в ответах местной администрации. Впрочем, если уже идти по этому пути, то следует отметить, что в рапортах архиепископов и митрополитов в Синод, подтверждающих получение указа о распубликовании манифеста от 5 апреля, содержание его излагалось более пространно, — «чтоб помещики не принуждали крестьян своих к работам по воскресным дням и о прочем».¹⁵

Вся сила этого манифеста как документа, ограничивающего барщину, заключалась, как нам представляется, в первую очередь, в том, что он подлежал «всенародному» распубликованию. По распоряжению Сената, указ от 5 апреля должен был быть разослан «для объявления как помещикам, так и всенародно», что и было выполнено по решению Синода местными священниками.¹⁶ Совершенно естественно, что отныне после того как крестьянам стало известно, что сам царь считает три дня в неделю работы на помещика «при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным потребностям», превышение этой нормы должно было восприниматься крепостными как нарушение царского если не указа, то мнения. Это особенно было опасно в павловские времена в связи с предоставлением крестьянам права подачи жалоб. В том, что этот документ был воспринят крестьянами как царская санкция на трехдневную барщину, сомне-

¹⁴ См.: М. В. Клочков. Очерки правительственной деятельности... стр. 546—547.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 796 Канцелярии Синода, оп. 78, 1797 г., д. 223, лл. 12, 18, 44, 45.

¹⁶ Там же, оп. 209, д. 344, л. 451.

ний быть не может. Порой в своей трактовке указа от 5 апреля крестьяне даже шли еще дальше. Так, в сентябре 1797 г. в Кумоловской волости Петербургского уезда «крестьянские жены отказались ходить в работу для вымолачивания хлеба, отзываясь, что единственно надлежит их мужьям три дни в неделю работать, а не им». В конечном счете пришлось отправить в Кумоловскую мызу исправника «исследовать о упорстве крестьян и их жен в исправлении на основании высочайшего именного манифеста, в 5-й день апреля 797 г. изданного, господских работ», поскольку «сила сего манифеста равномерно исполнима должна быть крестьянами и их женами».¹⁷ Убедительной иллюстрацией создавшегося в деревне положения является тот факт, что в те годы помещики или их управители в тех случаях, когда приходилось давать объяснения в связи с жалобами крестьян, прежде всего стремились уверить начальство, что барщина в их имениях не превышает установленных трех дней в неделю. Так, помещик Владимирской губернии Н. В. Соляников, сообщая во второй половине апреля 1797 г. генерал-прокурору А. Б. Куракину о волнении в его имениях, писал, что крестьяне им «сельскими изделиями» не отягощаются и «во всех летних работах», заняты «в неделю три дня».¹⁸ Любопытная формулировка содержится и в экстракте по делу управителя имением графа Н. П. Румянцева, которое велось в Алатырском уездном суде. В 1799 г. крестьяне обратились к своему владельцу с просьбой перевести их с барщины на оброк. Но Румянцев отказал крестьянам в их ходатайстве, сообщив при этом, что он «вотчин, особливо многоземельных, на оброке иметь не желает и не требует более, как три дня на себя работы в неделю, как положено законами».¹⁹ Более того, опубликовав указ, который, по существу, не содержал в себе обязательного, «указного» начала, Павел в дальнейшем стремится на его основе регламентировать применение крепостного труда не только в помещичьем имении, но и приписных крестьян. В именном указе Сенату от 16 марта 1798 г. «О дозволении покупать к заводам и фабрикам крестьян» Павел в § 4 специально оговаривал, чтобы «в распределении крестьянам при заводах и фабриках работ поступать согласно манифесту, ... в 5 день апреля 1797 г. о разделении вообще крестьянских работ изданному, т. е. чтоб из количества годных в работу половина всегда в работе заводской находилась».²⁰ Не исключено, что в общий замысел Павла о регулировании взаимоотношений помещика с крестьянами входило и намерение ограничить оброчные повинности. Во всяком случае некоторым основанием для подобных предположений может служить эпизод, произошедший во время проезда Павла по

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1345 V департамента Сената, оп. 98, д. 184, л. 2 об.

¹⁸ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг. М., 1961, стр. 81.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1345 V департамента Сената, оп. 98, д. 547, л. 9 об.—11.

²⁰ 1 ПСЗ, т. XXV, № 18442.

Смоленской губернии в мае 1797 г. Помещица Козловская в конце 1800 г., а затем уже после убийства Павла и ее сын стали усиленно ходатайствовать о снятии опеки с их имения. Когда навели справки, почему это имение попало в опеку, обнаружили следующие подробности. Переменяя лошадей в деревне Теплуха, Павел «изволил взойти в избу к крестьянину Даниле Семенову и у жены того крестьянина Неолиды Евстратовой спрашивал, сколько они платят госпоже своей в год оброку, которая и объявила, что платят они деньгами по двадцати семи рублей, после чего вскоре и последовало о взятии деревень в опеку высочайшее повеление».²¹ В Смоленской же губернии оброк колебался от 2 до 8 рублей серебром. Таким образом, взимаемый с крестьян оброк значительно превосходил общепринятую высшую норму.

Итак, может создаться представление, что у Павла в конце XVIII в. все же наличествовал определенный замысел регулирования взаимоотношений помещика и крестьянина, что «указ без указа» о трехдневной барщине не только был распубликован, но, если основываться на материалах судебной практики, со всей строгостью проводился в жизнь. А таких фактов можно привести немало. Упомянем и мы о них, ограничиваясь лишь двумя случаями, с целью проиллюстрировать однотипность подхода к указу от 5 апреля как в высших, так и в низших инстанциях. В ноябре—декабре 1797 г. в Санкт-Петербургской палате суда и расправы рассматривалось дело арендатора имения помещика Опица капитана Теренберха, обвиняемого в том, что он «в противность опубликованного сего 797 г. апреля в 5-й день указа постоянно держал крестьян на работе в неделе более трех дней». Признав Теренберха «неисполнителем высочайшего указа», Петербургская палата постановила лишить его капитанского чина и впредь, «яко оказавшегося в притеснении крестьян, ни до какой аренды не допускать, и о том и публиковать в ведомостях». В свою очередь с помещика Опица была отобрана подписка, что он не будет принуждать крестьян к работам «в неделю более трех дней».²² В 1800 г. крестьяне воскресенского помещика Татаринова обратились с жалобой к московскому главнокомандующему, что помещик отягощает их «чрезмерными работами». Воскресенский уездный суд определил, что действительно здесь имеет место «излишняя» работа, превышающая трехдневную барщину, поскольку во время покоса и уборки хлеба все крестьяне на десять дней посылаются на барскую работу, а в другое время также имеет место превышение норм, ибо два дня работают на помещика, два дня на себя, а остальные три дня половина работает на себя, а половина на владельца. Таким обра-

²¹ ЦГИА СССР, ф. 1374 Канцелярии генерал-прокурора Сената, оп. 3, д. 2743, л. 25 об.

²² Там же, ф. 1345 V департамента Сената, оп. 98, д. 184, лл. 1—12; см.: Е. П. Трифильев. Очерки из истории..., стр. 137—142; М. В. Клоков. Очерки правительственной деятельности..., стр. 556—558.

зом, и здесь имеет место не трехдневная барщина, а работа по три с половиной дня в неделю.²³

Однако оперируя даже такими фактами, мы не имеем достаточных оснований, чтобы утверждать, что указом от 5 апреля в России была введена трехдневная барщина. Много лет спустя, вспоминая в связи с обстоятельствами, о которых мы будем говорить ниже, о павловском указе, М. С. Воронцов охарактеризовал его как «регулирование» крепостного права «из страха» перед крестьянским движением. В этом, собственно, и заключается расшифровка всего того, что имело место в конце XVIII в. Мысль о необходимости регулирования взаимоотношений помещика и крестьянина безусловно и не раз возникала у Павла I. Но было это обусловлено отнюдь не стремлением ограничить крепостное право и улучшить положение крестьян, а исключительно убеждением, что этим путем можно ограничить поводы к массовым крестьянским выступлениям. Отсюда сочетание часто внешней широты общего замысла с ограниченностью мероприятий, предпринимаемых для его реализации, которые всецело определялись лишь силою ударов, обрушивавшихся в эти годы на господствующий класс со стороны бунтующих крестьян. Туманная формулировка о трехдневной барщине в указе от 5 апреля, призывая, с одной стороны, помещиков к ограничению своих требований, давала в то же время крестьянам определенное основание рассчитывать на поддержку в этом вопросе со стороны правительства при условии точного соблюдения указа от 29 января 1797 г., т. е. полного подчинения крепостных помещикам и выполнения до разбора дела всех возложенных на них повинностей. В тех же случаях, когда крестьяне не протестовали и не возникала опасность «возмущения», никого не интересовало, что творилось в имениях, и помещик мог использовать труд крепостных в таких размерах, в каких ему это заблагорассудится.

Переходя к рассмотрению судьбы указа от 5 апреля 1797 г. уже на протяжении первой четверти XIX в., т. е. в царствование Александра I, можно прийти к заключению, что и тогда, как и в павловское царствование, этот указ и был и не был. М. М. Сперанский во «Введении к уложению государственных законов» 1809 г. характеризует этот указ не только как первую попытку регулирования взаимоотношений помещика и крестьянина, но и как поныне действующий законодательный акт: «Постановление о разделе поселянских работ, с ограничением их тремя днями, — писал Сперанский, — постановление весьма примечательное, потому что оно со времени укрепления крестьян помещикам есть в сем роде первое».²⁴ Об этом же свидетельствует, как и в павловские вре-

²³ ЦГИА СССР, ф. 1345 V департамента Сената, оп. 98, д. 601, лл. 11 об.—12.

²⁴ М. М. Сперанский. Проекты и записки. Подгот. к печати А. И. Копанев и М. В. Кукушкина. Под ред. С. Н. Вайка. М.—Л., 1961, стр. 159.

мена, правительственная практика. Так, в 1809 г. министр внутренних дел А. Б. Куракин, сообщая Комитету министров об отказе крестьян в Могилевской губернии работать по инвентарям и доказывая «ослушность» этих крестьян, ссылаясь при этом на полную «законность» возложенных на них повинностей, писал: «Распределение работ сделано в надлежащем порядке и с великой умеренностью, ибо малосемейные повсе уволены от работ, имеющие в семействе по одной рабочей душе мужеска и женска пола обязаны служить по половине дня в неделю, а имеющие 2 души по 1 дню и так далее; самые большие семейства не работают более как три дня в неделю на помещика».²⁵ В 1825 г., опять-таки министр внутренних дел, теперь уже В. С. Ланской, в своем представлении в Комитет министров об отказе крестьян в Гродненской губернии работать по инвентарям, уже прямо апеллирует к павловскому указу о трехдневной барщине. Указывая на отсутствие специального законодательства по этому вопросу, Ланской писал, что «все инвентари, не превышающие повинностей, назначенных высочайшим манифестом 5 апреля 1797 г. по три дня в неделю, были правильны и оных держаться должно».²⁶ Если теперь мы обратимся к деятельности губернаторов, то и здесь мы неоднократно столкнемся с обращением к указу от 5 апреля как к закону, полностью сохранившему свою силу в плане ограничения барщинных работ. Так, в начале 1818 г. крестьяне помещиков Алексеевых обратились с жалобой к тамбовскому губернатору на притеснение их приказчиком. Рассмотрев эту жалобу, губернатор, «поставив» владельцам «на вид» «беспорядки», происходящие в их имении, потребовал, в первую очередь, чтобы «на работы господские определены были три дня».²⁷ Этому же закону придерживались и дворянские представители в тех случаях, когда им надлежало разработать положение об управлении тем или иным имением, когда оно передавалось владельцу на определенных условиях. Именно так обстоит дело с имением помещиков Кафтыревых, которым оно в 1821 г. возвращалось из опеки при условии, что они будут управлять им, руководствуясь положением, выработанным представителями дворянства Ярославской губернии. В этом положении указывалось, что следует вести «обработку вообще барских полей уравнительно и для обоюдных польз помещика и крестьян производить брат на брата, то есть половина должна находиться на барщине, а другая заниматься домашним своим хозяйством. В сем положении барщины само собою разумеется, что одинокие крестьяне обязаны быть три дня на барщине, а три дня дома».²⁸ Аналогичное положение было выработано представителями дво-

²⁵ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг., стр. 251.

²⁶ Там же, стр. 575.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409 Собственной е. и. в. канцелярии. оп. 1, д. 2806, лл. 38—38 об.

²⁸ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг., стр. 694.

рянства той же губернии и в 1824 г. для помещицы Носковой, на которую поступила жалоба от крестьян на «обременение» их господскими работами.²⁹ Порой вспоминали о законах от 5 апреля 1797 г. и 16 марта 1798 г. и в связи с «отягощением» приписанных к фабрикам и заводам крестьян. В 1816 г. рязанский губернатор в связи с жалобой на неповиновение рабочих на фабрике Козлова приказал, чтобы приписные «не были бы отягощены» и не работали «свыше мер, предписанных в высочайших указах 5 апреля 1797 г. и 16 марта 1798 годов».³⁰ Да и крестьяне помнили об указе 1797 г. как о законе, ограничивающем барщину. «В рассуждении господских работ, — доносит симбирский губернатор Александру I в 1818 г., — все крестьяне помещицы Наумовой единогласно утвердили», что в то время как им «положено работать три дня на господина и три дня на себя», это правило не соблюдалось и их заставляли работать даже по воскресным дням.³¹

Итак, все вышеприведенное весьма убедительно, на первый взгляд, свидетельствует, что закон о трехдневной барщине действительно существовал и за его реализацией строго наблюдали соответствующие органы. Но почему же в таком случае столь блестящий знаток крестьянского вопроса, как Н. И. Тургенев, именно в эти годы отмечал, что хотя «закон императора Павла» и существует, но «сила сего закона остается для крестьян недействительною... Известно, — пишет далее Тургенев, — что не все помещики довольствуются тремя днями работы крестьян своих, вопреки существующему и никем не отмененному закону. Известно, что многие помещики, сверх трех дней работы, берут с крестьян другие подати в натуре и деньгами. Известно, что некоторые заставляют крестьян своих работать не 3, а 4, 5 и даже 6 дней в неделю».³² П. И. Пестель в «Русской Правде», исходя из существующего положения, не считает нужным даже упомянуть о формально существующих регламентациях и прямо заявляет, что в России «участь крепостных людей в полной мере зависит единственно от мысли и воли их господ и что никакого не существует определенного постановления, взаимные их отношения, обязанности и права устанавливающего и положения крестьянского состояния, ясно определяющего».³³ И действительно, многочисленные крестьянские жалобы александровского времени наглядно свидетельствуют, насколько справедливы утверждения Тургенева и сколь, в конечном счете, обоснованно заключение Пестеля.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 1286 Департамента полиции исполнительной, оп. 3, 1824 г., д. 251, лл. 1—2.

³⁰ Рабочее движение в России в XIX веке. Т. I, ч. 1. 1800—1825. М., 1955, стр. 382.

³¹ Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг., стр. 634.

³² Архив братьев Тургеневых, т. III, вып. 5. Пгр., 1921, стр. 419.

³³ Восстание декабристов, т. VII. М., 1958, стр. 173.

Единственно, что в законодательном плане в годы царствования Александра I было связано с манифестом от 5 апреля 1797 г., это указы от 14 февраля и 30 сентября 1818 г. Первый из них возлагал на духовных лиц обязанность следить за выполнением закона, запрещающего господские работы в воскресные дни и, в случае нарушения такового, предписывал доносить об этом министру духовных дел и народного просвещения.³⁴ Но уже через семь месяцев духовенство было освобождено от этой обязанности, которая возложена была на губернскую администрацию. При этом действие указа от 5 апреля, помимо воскресных дней, было распространено на двенадцатые и храмовые праздники.³⁵ Однако в этих указах никаких упоминаний о трехдневной барщине не содержалось.

Правительственная политика в крестьянском вопросе во второй четверти XIX в. определялась, в первую очередь, двумя моментами: во-первых, прогрессирующим кризисом крепостного хозяйства и, во-вторых, неуклонным ростом крестьянского сопротивления. Оба эти обстоятельства при том условии, что правительство имело своей целью сохранить, по возможности, крепостное право, все же должны были усилить стремление к регламентации взаимоотношений помещика и крестьянина. Но в этом случае возникала другая проблема: каким путем осуществить эту регламентацию, чтобы не вызвать нареканий со стороны дворянства, что особенно казалось опасным в свете событий 1825 г.

И выход был найден в модернизации старого законодательства, за которое ответ несут «предки», но за выполнением которого следить должны «потомки». Именно так и получилось с указом 5 апреля 1797 г., который в ПСЗ в 1830 г. был наименован манифестом «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные».³⁶ Дальнейшей трансформации подвергся текст этого документа при составлении Свода законов. Судя по материалам II Отделения Собственной е. в. канцелярии, составлением первой книги Свода гражданских узаконений — «О состояниях» — и, в частности, «изложением узаконений главы о крепостных людях», вошедшей в IX т. Свода законов, занимался М. А. Корф.³⁷ Статья 589 этого Свода³⁸ указывала, что «владелец может налагать на крепостных своих всякие работы, взимать с них оброк и требовать исправления личных повинностей, с тем только, чтобы они не претерпевали чрез сие разорения и чтоб положенное законом число дней оставляемо было на исправлении собственных работ». В сущности, указанный здесь рубеж эксплуатации крестьян не до полного «разорения» ничего не менял по сравнению с существовавшим положением и никого

³⁴ 1 ПСЗ, т. XXXV, № 27270.

³⁵ Там же, № 27549.

³⁶ Там же, т. XXIV, № 17909.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1251 — Сперанский, оп. 1, д. 866, лл. 27, 72.

³⁸ СПб., 1835.

и ни в чем не ограничивал. Однако упоминаемое в этой статье «положенное законом» число барщинных дней подготавливало переход к следующей, 590-й статье названного Свода, которая уже не на практике, а законодательным путем превращала манифест 5 апреля 1797 г. в закон о трехдневной барщине. «Крестьяне, — гласила эта статья, — обязаны работать на своего помещика три дня в неделю». Запрещение же принуждать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни составило уже вторую часть данной статьи IX т. Свода законов. Законодательным основанием как для первой, так и для второй части статьи послужил павловский указ 1797 г. В этой же неизменной формулировке, но под другими номерами, названная статья вошла в последующие издания Свода законов 1842 и 1857 гг. Таков путь превращения придаточного предложения павловского манифеста в императив и включения его в Свод законов.

Однако и после всего этого судьба незаконнорожденного павловского отпрыска мало изменилась. Более того, в практической деятельности о нем, в сущности, вспоминали так же редко, как и прежде. Характерно, что в Общем наказе гражданским губернаторам в 1837 г., где гражданским властям предписывалось строго следить, дабы крестьяне «не употреблялись в работы в воскресные и праздничные дни», о наблюдении за ограничением барщины напомнить не сочли возможным.³⁹ Изредка о трехдневной барщине вспоминал какой-либо помещик, жалуясь на крестьян, отказавшихся выполнять «узаконенной 3-дневной по вотчине повинности».⁴⁰ Фигуровала она и при составлении инвентарей для юго-западных губерний, т. е. Правобережной Украины. Но в целом, в масштабе империи, к этому указу, в сущности, не обращались в течение 20 лет. Однако крестьянские волнения конца 40-х и начала 50-х годов XIX в. вновь заставили обратиться, но уже в несколько иной форме, к попытке регулирования обязанностей, возлагаемых на крепостных крестьян. Настроение правящих кругов и их новое отношение к старому павловскому указу очень ярко раскрывает переписка П. Д. Киселева и М. С. Воронцова 1851—1852 гг. В письме к Воронцову Киселев указывал, что павловский закон может явиться исходным моментом для регламентации крестьянских обязанностей, которые теперь должны уже включать не только число дней, но и нормы выработки с учетом всех специфических особенностей района. В своем ответе Воронцов поддержал идею Киселева об использовании павловского указа, но трактовал его, однако, как путь к решительному повороту в крестьянском вопросе. «Закон императора Павла не довольно ясен, — писал Воронцов, — и редко где исполняется по намерению законодателя. Поправить это, по моему мнению, нетрудно и не может иметь никаких

³⁹ 2 ПСЗ, т. XII, отд. 2, № 10303, § 34.

⁴⁰ Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг. М., 1961, стр. 120.

дурных последствий, ни произвести каких-нибудь опасных слухов. Не нужно нового узаконения — одно подтверждение указом из Сената, а когда этого не хотят, то и один циркуляр с высочайшего соизволения от министра внутренних дел, был бы достаточен, чтобы привести это важное дело в порядок. Довольно объявить, что император Павел, выдавая этот указ, имел в виду поставить границы для употребления крестьян на сельские работы в пользу помещика так, чтобы было справедливо для крестьян и достаточно для владетеля, ибо никто не может сказать, чтобы трех дней в пользу помещика не было довольно».⁴¹ Прошло немного времени, и в начале 1853 г. проблема регулирования крестьянских повинностей приобрела еще большую остроту. «Вы говорите почти все, что я осмелился сказать в своем ответе, — писал 24 апреля 1853 г. Воронцов Киселеву, — вы сознаете, что мы стоим на вулкане, вы боитесь восстания крестьян, которое грозит стране и существованию дворянства; вы говорите, что желаете регулирования крепостного права даже из страха тех последствий, которые угрожают нам. Вы совершенно правы; я разделяю этот страх и, подобно вам, желаю регулирования из страха, но также по чувству справедливости и по правилам нашей святой религии».⁴² Это письмо Воронцова, равно как и связанные с его обращением к Николаю мероприятия по воскрешению закона о трехдневной барщине, непосредственно были вызваны событиями, развернувшимися в январе 1853 г. в селе Маслов Кут Пятигорского уезда Ставропольской губернии. Восстание крепостных, которое удалось подавить лишь с помощью артиллерии и где толпу, кричавшую «мы хотим воли», разогнали лишь после того, как было убито и ранено свыше 300 человек, т. е. более 15% неподчинявшихся крестьян, естественно, не могло не заставить правительство вновь заняться вопросом о возможности предотвращения таких выступлений. Тем более приходилось обо всем этом думать, что 1853 г., в начале которого и произошло восстание в Масловом Куте, ознаменовался значительным числом крестьянских выступлений, убийств помещиков и представителей вотчинной администрации.⁴³ А в довершение всего, когда следственное дело о событиях в Масловом Куте попало в руки Николая I, уже началась Восточная война, которая еще больше обострила внутреннее положение страны. При том условии, что решительные акции, направленные против крепостного права, для правительства в этот момент были невозможны, естественно, приходилось ограничиваться лишь новой попыткой регулирования взаимоотношений крестьян и помещиков. Но так как всякий новый акт в этом плане мог вызвать тревогу и недовольство дворянского

⁴¹ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. IV. СПб., 1882, стр. 249.

⁴² А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. II. СПб., 1882, стр. 327—328.

⁴³ Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. М., 1962, стр. 732.

сословия, решено было внешне действовать, как это и советовал Воронцов, в пределах старых законодательных актов, в то же время пытаясь как-то их модернизировать. В изложении следственного дела «о возмущении крестьян в с. Маслов Кут помещиков Калантаровых» среди причин, вызвавших это событие, в качестве «второго предмета» фигурировал подробный раздел «об обременительных оброках и работах». И хотя здесь и указывалось, что на барщине крестьяне заняты «по три дня в неделю», но одновременно с этим сообщалось, что «по особому согласию крестьян» они трудились «понедельно» и «без зачета ненастных дней и прихода к месту помещичьих работ».⁴⁴ И уже 22 октября того же 1853 г. председатель Комитета министров А. И. Чернышев обратился с секретным письмом к министру внутренних дел Д. Г. Бибикову, в котором, ссылаясь на материалы следствия по делу владельца села Маслов Кут Калантарова, указывал, что этот помещик «заставлял крестьян, вместо определенных по закону в пользу владельца три дня в неделю, работать в течение нескольких недель сряду, предоставляя равное число дней в пользу крестьянина, но тогда уже, когда удобное для работ время прошло, а также посылал крестьян для господских работ в дальние места, не считая в их пользу те дни, которые они провели в следовании туда и обратно».⁴⁵ Сообщив Николаю I об опасениях, что подобные случаи «злоупотребления помещичьей властью «могут быть и в других местах», Чернышев доводил до сведения Бибикова, что «государь... изволил признать необходимым циркулярно подтвердить гг. предводителям дворянства, чтобы они сами наблюдали и при всех случаях внушали помещикам о непрременном соблюдении закона, по коему крестьяне обязаны работать в пользу помещика только 3 дня в каждую неделю».⁴⁶ Проект этого циркуляра, составленный по подсказке Воронцова и «по непосредственным указаниям» царя и им же утверждённый, одновременно с этим письмом пересылался Чернышевым Бибикову, и при этом особо оговаривалось, что «его величеству угодно, дабы сей циркуляр, в предупреждение разных толков, был сообщен секретно, и чтобы ему вообще не было дано гласности».⁴⁷ Через два дня, 24 октября 1853 г., Бибиков уже разослал этот циркуляр не только всем губернским предводителям дворянства, но и губернаторам, особо при этом подчеркивая необходимость сохранения строжайшей тайны и даже предписывая всю переписку по этому вопросу с предводителями вести в пакетах с надписью «в собственные руки».⁴⁸ Специфической особенностью этого циркуляра было указание, чтобы обязанности крестьян были

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1268 Кавказского комитета, оп. 6, 1853 г., д. 46, л. 67 об.

⁴⁵ Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг., стр. 385.

⁴⁶ Там же, стр. 385.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 386, 650.

не просто ограничены тремя днями в неделю, но тремя днями в каждую неделю. При такой формулировке нельзя было, как это делалось почти повсеместно, использовать труд крестьян в течение всего уборочного или посевного времени, возвращая им переработанные дни в период, уже непригодный для сельскохозяйственных работ. В циркуляре было также оговорено, что «при отсылке крестьян для господских работ в места, отдаленные от их жительства, время, употребленное ими на переход туда и обратно, непременно должно быть зачитано в число следующих в пользу владельца рабочих дней».⁴⁹ Однако то обстоятельство, что в отличие от манифеста от 5 апреля 1797 г. этот циркуляр не только не оглашался «всенародно», но держался в строжайшем секрете, в конечном счете свело на нет и его требования. Кое-где местная администрация вначале весьма ретиво взялась за его реализацию. Так, тверской губернатор, исполняя циркуляр министра внутренних дел от 24 октября 1853 г., сообщил губернскому предводителю дворянства, что в имении помещика Неронова в Калязинском уезде крестьяне чрезвычайно обременены различными повинностями, а барщину выполняют «нередко по 6 дней в неделю», и потому необходимо принять меры к «облегчению крестьян от обременительных для них распоряжений помещика».⁵⁰ Но очень скоро эта администрация успокоилась, поняв, что, если не произойдет чрезвычайных событий, никто за неисполнение этой инструкции взыскивать не будет, как и не взыскивали с помещиков за невыполнение соответствующих статей Свода законов.

Таков был путь, пройденный указом от 5 апреля 1797 г. в годы крепостного права. Возникнув «из страха» в связи с крестьянским движением 1796—1797 гг. в Орловской губернии, он после долгих мытарств воскрес, опять-таки «из страха», в связи с крестьянским движением 1853 г. в Ставропольской губернии. Не выполняясь систематически и повсеместно, это «локальное» регулирование, естественно, не могло дать какого бы то ни было эффекта ни в период разложения, ни в момент глубокого кризиса крепостной системы. Вместе с тем следует отметить, что при составлении Местного положения 1861 г. по великороссийским, новороссийским и белорусским губерниям указ от 5 апреля 1797 г. и секретный циркуляр министра внутренних дел от 24 октября 1853 г. в опосредствованном виде нашли свое отражение в гл. III «О повинности издельной (барщине)». Мы имеем в виду статью 196, гласившую, что «рабочие дни, в счет повинности отбываемые, не могут быть переносимы помещиком с одной недели на другую иначе, как по взаимному соглашению с крестьянами», и статью 197, согласно которой «причитающиеся на каждую неделю с целого общества, от-

⁴⁹ Там же. стр. 386.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1286 Департамента полиции исполнительной, оп. 14, 1853 г., д. 820, лл. 91 об.—92 об.

бывающего издельную повинность, число рабочих помещик может требовать на работу в те дни недели, какие он сам назначит, с тем, однако же, чтобы в один день не было требуемо более одной трети общего числа всех рабочих дней, причитающихся со всего общества на целую неделю».⁵¹

И только тогда, после официальной ликвидации крепостного права, трехдневная барщина впервые в общероссийском масштабе была введена в имениях, где крестьяне переведены были в разряд временнообязанных.
